

УДК 94 (478)

С.М. Назария

**Вопрос о Бессарабии в советско-румынских отношениях в начале 20-х годов
и попытки его мифологизации в румынской историографии**

Государственный институт международных отношений Молдовы; sergnazar@mail.ru

В статье освещены некоторые попытки фальсификаций, предпринятые румынской дипломатией и ставшие очередным мифом румынской историографии с целью фабрикации аргументов в пользу тезиса о «законности» аннексии Бессарабии Румынией в 1918 году. Факты убедительно доказывают, что ни о каком признании Советским правительством аннексии Бессарабии не может быть и речи.

Ключевые слова: *спорный вопрос, переговоры, урегулирование, граница, миф, признание/непризнание.*

The article deals with some of the attempts of fraud made by the Romanian diplomacy which became another myth of Romanian historiography in order to fabricate the arguments in favor of the thesis of the "lawfulness" of the annexation of Bessarabia by Romania in 1918. The facts clearly show that any recognition of the Soviet annexation of Bessarabia by the Government is out of the question.

Keywords: *a controversial issue, negotiations, settlement, border, myth, recognition/nonrecognition.*

В 20-е годы румынское и советское правительства постоянно вели переговоры о Бессарабии, но не смогли изменить свои первоначальные позиции. «Несколько переговорных раундов сменяли друг друга... однако ни один из них не смог решить бессарабского вопроса» [17, с. 38]. По справедливому замечанию академика А. Лазарева, «специфическая особенность положения Бессарабии заключалась как раз в том, что, в отличие от Финляндии, Польши, Эстонии, Литвы и Латвии, чья независимость была признана Советским правительством, насильственная аннексия этого края иностранной державой – королевской Румынией – никогда не признавалась Советской республикой, которая всегда считала Бессарабию частью советской территории... И хотя в Бухаресте с назойливым упрямством Днестр именовали „границей” между Румынией и СССР, никто из советских представителей никогда не давал согласия на установление государственной границы по этой реке» [9, с. 171].

Анализируя политико-юридические основания «присоединения» Бессарабии к Румынии, известный молдавский юрист А.Д. Буриан пишет: «Тот факт, что Советский Союз никогда не признал этой передачи и не подписывал никаких соглашений, её легализующих, с точки зрения международного права поставил бессарабский вопрос в ряд неразрешённых, требующих юридического урегулирования» [13, с. 340].

В 1918–1919 гг., надеясь на скорое падение Советской власти, королевское правительство не торопилось начинать прямые переговоры с Москвой. Как пишет г-жа Пэдурак: «Румынское правительство не спешило с возобновлением переговоров, т. к. международная конъюнктура благоприятствовала ему. Великие державы стремились устранить Советы от власти, и согласие на переговоры с русскими вызвало бы их неудовольствие. Румыния не желала разменять возможное признание своих границ со стороны непризнанного российского правительства на признание со стороны великих держав» [23, с. 35, 56].

Правда, в другом месте автор полностью противоречит себе, он пишет, что Ион И.К. Брэтиану 13 июня 1924 г. через Эррио обратился к Пуанкаре с просьбой намекнуть СССР, что Франция не может представить себе нормальных отношений с Россией, если последняя будет стремиться возобновить дискуссию по бессарабскому

вопросу, являющемуся окончательно решённым. Данный маневр главы румынского правительства доказывает полную несостоятельность тезиса, будто Бухарест «не был заинтересован» в признании Советским правительством «границы» по линии Днестра. Более того, уже в следующем предложении автор приводит информацию, которая опровергает «незаинтересованность» Румынии в признании «границы» по Днестру: «Ни Франция, ни Балканские страны не желали осложнять своё положение из-за румынских интересов» [23, с. 64].

На других страницах своей работы госпожа Пэдурияк приводит немало примеров, которые заколачивают «последний гвоздь» в теорию о «незаинтересованности»: «В декабре 1925 года Н. Титулеску проявил интерес к позиции Бенеша и заявил: „Если Чехословакия и Югославия поддержали бы нас в дискуссии с русскими, в особенности сейчас, когда Советы укрепляются и европейские государства стремятся к договорённости с ними! Мы же рискуем остаться в изоляции, так как никто и никогда не будет ставить румынские интересы выше собственных. Наше положение улучшается лишь тогда, когда наши интересы совпадают с интересами других государств, однако это не случай с Бессарабией”». В другом месте она пишет, снова полностью опровергая себя: «Румыния была готова к переговорам, но только в случае признания своих границ». И последнее: «12 декабря [1928 г.] Г. Гафенку подчеркнул, что положительный аспект какой-либо договорённости с Советским Союзом состоит в укреплении безопасности границ, пусть даже мнимой» [23, с. 66, 69, 70].

Таким образом, не может быть и речи о каком-либо «нежелании» Румынии, а скорее, это тот случай, когда другие «страны не желали осложнять» себе жизнь. Румынская же элита «спала и видела» признание Советским Союзом «границы по Днестру».

9–14 февраля 1920 г. румынский посол в Англии Д.Н. Чотори вёл в Копенгагене переговоры с М.М. Литвиновым, а позже с Л.Б. Красиным [16, с. 852; 25, с. 22]. В румынской историографии получил распространение миф румынской дипломатии, будто бы Л. Красин заверил Д. Чотори в том, что «Советское правительство желает признать „объединение Бессарабии”» [20, с. 114]. Эту же мысль пытается внушить и академик И.М. Опря: «Чотори... считал, что его переговоры с русскими в Копенгагене и Лондоне „подшли к точке достижения признания объединения Бессарабии с Румынией” и даже вопрос золотого запаса „был близок к своему решению”» [21, с. 263].

18 февраля В.И. Ленин заявил корреспонденту «New York Evening Journal», что Россия не собирается нападать на Румынию и Польшу. Вслед за этим 24 февраля народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин предложил бухарестскому правительству начать переговоры с целью нормализации отношений между двумя странами, выразив уверенность, что противоречия могут быть урегулированы при проявлении доброй воли [2, с. 250–251, 273; 4, с. 372, 390; 19, с. 237–238].

На указанное предложение румынский премьер А. Вайда-Воевод 3 марта ответил согласием, выдвинув, однако, в качестве предварительного условия признание включения Бессарабии в состав Румынии и подчеркнув, что «Румыния завершила своё национальное объединение» и что она «придерживается принципа воздержания от вмешательства во внутренние дела соседней страны» [4, с. 403; 12, с. 47; 24, с. 48]. До того как дать ответ, он заручился признанием со стороны Ллойда Джорджа относительно «прав» Румынии на Бессарабию. «Как опытный и искушённый в международном праве политик, – отмечают В.Н. Виноградов и М.Д. Ерещенко, – он понимал, что ссылки на принятое одним Сфатул Цэрий решение о „волеизъявлении народа” – весьма слабый и сомнительный аргумент в переговорах с советской стороной» [2, с. 251].

Сменивший Вайду А. Авереску уверял в своей ноте от 8 октября 1920 г. будто Румыния придерживалась в отношении России «совершенного и безусловного нейтралитета». В следующей ноте от 21 октября он утверждал, что между двумя странами «нет никаких спорных вопросов» [5, с. 261, 300; 24, с. 64–65, 67].

В.П. ван Мёрс со ссылкой на румынского дипломата Фалалити отмечает, будто «в ходе неофициальных дискуссий советский представитель Максим Литвинов согласился на признание права Румынии на Бессарабию в обмен на золотой запас Румынии, конфискованный ранее Советским правительством... В Лозанне Христианом Раковским было в последний раз сделано подобное предложение» [18, с. 101–102]. В действительности же утверждения подобного рода являются вымыслом румынской дипломатии и историографии, выдумкой, не имеющей никакого документального подтверждения.

Данный миф кочует от одного румынского автора к другому. Так, И.М. Опря, со ссылкой на архив МИДа Румынии, пишет, что в 1922 г. в Лозанне «Чичерин допустил в качестве принципиального решения “признание в какой-нибудь форме присоединения Бессарабии в обмен на золотой запас и драгоценности королевской семьи”» [21, с. 29]. В другой работе, ссылаясь на газету «Adevărul», он утверждает, что в марте 1920 г. «Правда» будто бы признала права Румынии на Бессарабию, а в начале следующего, 1921 года, и Красин также предложил признать законность захвата Бессарабии Румынией в обмен на румынский золотой запас, хранящийся в Москве [22, с. 255]. «В 1920–1921 годах русские были готовы согласиться на признание объединения Бессарабии», – отмечает Л. Пэдурак. «Идея отвергнуть территориальные претензии в обмен на экономическую компенсацию, – пишет автор, – была в прозрачной форме предложена большевистским правительством ещё в мае 1919 года» [23, с. 36, 56].

В своих нотах от 8 и 17 марта, 5 августа, 29 сентября, 13 октября 1920 г. советская сторона постоянно напоминала, что на переговорах предстоит урегулировать «территориальный вопрос» [4, с. 403, 409; 5, с. 82, 218, 260]. Тем более, что уже 1 ноября Советское правительство опротестовало акт от 28 октября 1920 г. о признании Бессарабии за Румынией [3, с. 522; 24, с. 69]. Как доказывают документы, переписка между сторонами по вопросам повестки дня и места встречи делегаций свидетельствует, что советская программа никогда не допускала «даже косвенного признания захвата Бессарабии». В частности, это подчёркивалось и в инструкциях НКВД относительно временного характера существовавшей между двумя странами демаркационной линии по Днестру [2, с. 252, 274–275].

Летом 1920 г. в Таллинне были продолжены советско-румынские контакты, которые осуществляли румынский посол Г. Фалалити и заместитель наркоминдела М. Литвинов. Однако румыны заявили, что «ни в коем случае и ни в какой форме не согласятся ставить на обсуждение окончательное национально-государственное единство Румынии» [14, с. 86]. 14 декабря 1920 г. Наркомат иностранных дел РСФСР вновь предложил румынскому правительству начать мирные переговоры, но и эта нота осталась без ответа [9, с. 189–190]. По мнению А. Язьковой, румынское правительство согласилось на эти переговоры лишь после окончания советско-польской войны [10, с. 179].

После её окончания в рядах Красной Армии были сильны настроения изгнать румын из Бессарабии. «После того как большевики разгромили последних белых генералов, Фрунзе, военный комиссар Советской Украины, вновь хотел завоевать Бессарабию, – пишет Л. Фишер. – Фрунзе был молдаванином. Он утверждал, что было бы трудно демобилизовать Красную Армию, что много воинских частей были молдавскими и бессарабскими и что они со рвением будут участвовать в войне против Румынии. Ворошилов поддержал Фрунзе» [15, с. 133]. Однако данное предложение не получило поддержки в правительстве Ленина, хотя планы освобождения Бессарабии от румын-

ских оккупантов при помощи военной силы существовали ещё с 1919 г. [1, с. 30–48, 80–85, 193–196].

Весной-летом 1921 г. между двумя правительствами велись переговоры по урегулированию отношений на Днестре: о прекращении вооружённых столкновений, о демаркационной линии по Днестру, о правилах судоходства по этой реке, о демилитаризации Днестровского лимана, о выводе из Бессарабии многочисленных осевших там антисоветских воинских формирований [6, с. 57, 266–267, 269–270, 541–542, 544]. Руководитель советской делегации получил от Г.В. Чичерина директиву «считаться с тем, что мы не признали присвоение Бессарабии Румынией и, когда говорим о Бессарабии, считаем её оккупированной областью... Когда будет заходить речь о бессарабском берегу, придётся избегать таких выражений, которые могли бы быть истолкованы как признание Бессарабии частью Румынии» [6, с. 179].

В свою очередь, румынская сторона «старалась добиться установления на лимане окончательной границы, означающей признание Бессарабии частью Румынии» [6, с. 686]. «Как следствие, румынское правительство пришло к окончательному выводу, что граница Румынии не является предметом обсуждения с российским правительством» [22, с. 254]. В данном контексте не следует упускать из виду, что с этого момента и на протяжении следующих 20 лет румынская дипломатия и пропаганда будут стремиться интерпретировать любую договорённость между двумя странами как «факт согласия» Советского правительства на аннексию Бессарабии.

В сентябре-октябре 1921 г. состоялась советско-румынская конференция в Варшаве, на которой, наряду с многими другими вопросами, заместитель наркома Л.М. Карахан предложил в первую очередь обсудить бессарабский вопрос. Советское правительство разъяснило, что «задача конференции состояла... лишь в проведении демаркационной линии, считаясь с фактической оккупацией Бессарабии румынскими войсками». Руководитель румынской делегации посол Фалалити отказался от обсуждения предложенной советской стороной повестки дня, обосновав это тем фактом, что Бессарабия вступила в состав Румынии по воле её народа. На это Карахан ответил, что «Русское правительство остаётся при своём мнении, что Румыния располагает Бессарабией по праву военной силы... Оно не может присвоить выражения „свободного присоединения“ актам чистого насилия и вторжения, каковые представляет из себя история Бессарабии в 1918 г.» [2, с. 277; 3, с. 174, 182; 6, с. 480; 20, с. 119–121].

В течение месяца велись бесплодные переговоры. Варшавская конференция не дала никаких результатов, так как румынская сторона выдвигала в качестве предварительного условия урегулирования двусторонних отношений признание Советским правительством аннексии Бессарабии. Комментируя её итоги, французский историк Ш. Бокур писал: «Соседнее государство захватывает силой советскую территорию, отказывается от любых переговоров с СССР и, удерживая захваченное, ставит условием предварительное признание СССР легальности аннексии» [11, с. 296].

Однако в румынской исторической и мемуарной литературе господствует иная точка зрения на эти события. Типичной в этом смысле является позиция известного румынского дипломата Рауля Босси, отмечавшего, что переговоры начались в Вене в начале августа 1921 г. «и затянулись до октября, когда русские, как и ожидалось, подняли вопрос о Бессарабии, а мы – о румынском золотом запасе, находящемся в Москве... В ходе вышеупомянутых переговоров Фалалити–Карахан, – продолжает Босси, – руководитель советской делегации предложил нашему представителю неофициально встретиться и высказал готовность к договорённости по причине критического положения, в котором находились советские войска, гонимые армией Врангеля. Он без стеснения открылся Фалалити, что для Советского правительства Бессарабия, честно говоря, была

предметом торга и Москва не против отказаться от прав на неё в обмен на отказ румынского правительства от золотого запаса... Он предложил заключить договор о нейтралитете (т. е. о невмешательстве в случае нападения на одну из сторон третьей стороны), который в обмен на Бессарабию гарантировал бы Советам невмешательство Румынии в конфликт на стороне Врангеля, и конвенцию об отказе Румынии от золотого запаса, который был компенсирован стоимостью оставленного на её территории после Брест-Литовского перемирия российского оружия. Таким образом, Бессарабия в обмен на золотой запас! Карахан добавил примерно следующее умозаключение: «Зачем ссориться? Будем реалистами. Вы владеете Бессарабией, которую мы не в состоянии вернуть. В наших руках золотой запас, который Вы не сможете возвратить...»

Фалалити составил меморандум, передав в Бухарест содержание беседы. Я читал этот документ. Александр Авереску одобрил данную инициативу и, насколько я припоминаю, поручил Фалалити продолжить начатые с Караханом переговоры... Правда, большевики всё равно не сдержали бы слово и, как только миновала бы опасность со стороны Врангеля, немедленно возобновили бы свои претензии на владение нашим краем...

Однако министром иностранных дел был назначен вернувшийся с Запада Таке Ионеску. В Париже ему было указано, что Франция и Англия не позволили бы Румынии, для которой они столько сделали, признав совместно с Италией и Японией в 1920 г. её права на Бессарабию, разорвать единый с ними фронт путём признания ею существующего в России режима. Кроме того, не следует забывать, что в это время Лондон и Париж оказывали моральную и материальную поддержку Врангелю... Мы были в этом плане морально обязаны западным державам... Ион И.К. Брэтиану разделял точку зрения Таке Ионеску, ведь принятие предложения Карахана создавало опасность ослабления наших связей с Францией и Польшей. Фалалити был, таким образом, проинструктирован отвергнуть предложение Карахана...

Что касается Франции и Англии, то несколько позже они покинули Врангеля и в 1927 г. (в действительности в 1924) признали СССР, забыв, естественно, о своих обязательствах поддерживать позиции Румынии против России, позиции той Румынии, которой в своё время воспрепятствовали непосредственно договориться с Москвой [12, с. 47–50].

В современной румынской историографии позиция Таке Ионеску полностью оправдывается. Так, Ион Опря пишет, что министр иностранных дел «считал, что как для спокойствия внутри Румынии, так и для общемирового порядка было бы губительным, если вопрос объединения Бессарабии с Румынией «имел бы претензию не общеевропейского решения, а большевистской подачи»». Советская претензия, продолжает автор, «одобрить объединение Бессарабии с Румынией посредством румыно-советского договора является ничем иным как следствием юридического мышления, которое игнорирует тот простой факт, что похищенная силой территория не нуждается в договоре для её возврата истинному хозяину. Лишь согласие мирной конференции было законным и необходимым... Однако большевиков не интересовало соблюдение международного законодательства или исторических прав румын. Они стремились заполучить территорию Бессарабии для своих империалистических целей» [22, с. 280, 283].

Естественно, г-н академик и на этот раз неискренен. Согласись Советское правительство на «румыно-советский договор» касательно «объединения Бессарабии с Румынией», вопрос был бы решён ещё в начале 20-х годов в пользу Румынии, и г-н Опря писал бы иные книжки, в которых делались бы выводы, что «лишь двусторонний договор являлся законным и необходимым...». Сделай бы большевики королю Фердинанду эту «подачку», не только румыны приняли бы её с радостью, но и всё мировое сообщество немедленно бы признало её. Послушать г-на Опря, получается, что большевики

хотели «одобрить объединение Бессарабии с Румынией посредством румыно-советского договора», а румынская олигархия решительно сопротивлялась этому.

Вот как комментирует данную ситуацию молдавский прорумынский историк Лидия Пэдурык: «На деле Бухарест в тот момент не был заинтересован в возобновлении дискуссии по бессарабскому вопросу, тем более что после 28 октября 1920 г. он перестал существовать на международной арене» [23, с. 40].

Странная позиция: не хочу что-либо видеть – объявляю это «несуществующим». Было бы более понятным, если бы г-жа Пэдурык написала что-то вроде: «Советская политика была несправедливой, ревизионистской и агрессивной», как это делают другие авторы. В этом же случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда, «если действительность вступает в противоречие с нашим видением, тем хуже для действительности», т. е., будучи неспособны решить вопрос как нам того хотелось, объявляем его «не существующим на международной арене».

Далее автор отмечает: «Многие румынские политики считали, что на варшавских переговорах была упущена возможность добиться признания объединения Бессарабии со стороны России» [23, с. 40–41]. И вновь лишь иллюзия. Эта «упущенная возможность» является всего лишь румынским «патриотическим» изобретением. Абсолютно все документы опровергают данное необоснованное утверждение. Ещё ниже наш историк, противореча всему, что было ею же высказано до этого, утверждает, что «Румыния отказалась от сделки „Бессарабия = золотой запас“ (предложенной советским правительством), т. к. это дало бы русским возможность выдвинуть впоследствии идею, будто бы Румыния купила эту область» [23, с. 56].

Ту же мысль мы находим у академика И.М. Опря, утверждающего, что «в случае принятия предложенной Советами сделки румынское правительство предстало бы в качестве покупателя Бессарабии, которую оплатило бы ценой собственного золотого запаса, хранящегося в Москве, и вследствие этого предоставило бы возможность считать, что данная провинция не представляет собой естественную составную часть румынского национального достояния» [22, с. 264].

О будто бы сделанном Караханом и отвергнутом Фалалити предложении «Бессарабия в обмен на золотой запас» пишет и И.М. Опря [22, с. 258]. Пытаясь аргументировать позицию румынской стороны, он отмечает: «Руководитель советской делегации пытался замолчать всем известную истину о том, что и Бессарабия, и золотой запас принадлежат румынам, поэтому русские не предлагали обмен, т. к. он был бессмысленным, а с позиции силы извещали правительство Румынии, что собираются удержать именно то, что тогда подходило им более всего из этих компонентов румынского национального достояния» [22, с. 259].

Со ссылкой на «Российскую газету» (без указания её номера) автор представляет позицию Чичерина, который, вроде бы, предлагал Политбюро ЦК РКП (б) сделку «Бессарабия – золотой запас», а Ленин, окончательно не определившись, некоторое время колебался. Здесь же автор сообщает, что будто бы Чичерин выступал за признание Бессарабии в составе Румынии в обмен на мирный договор с этой страной. «Соображения, содержащиеся в разработанном народным комиссаром иностранных дел документе, – утверждает Опря, – как и положительные отзывы Политбюро, подтверждают мысль о том, что идея объединения Бессарабии в обмен на золотой запас не являлась выдумкой советской делегации на Варшавской конференции». В дальнейшем автор утверждает, что Троцкий поддержал идею сделки «Бессарабия – золотой запас», но Ленин в конечном счёте отверг её [22, с. 260–261, 262].

Даже если и предположить, что вышеприведённое не фальшивка (отсутствуют источники: «Российская газета», как минимум, таковым не является), всё это не имеет ни малейшего юридического значения, а означает только, что советская позиция по данному вопросу находилась в состоянии разработки.

Другой автор на страницах своей работы приводит «дополнительные аргументы» в пользу тезиса о том, почему румынская сторона прервала переговоры: «Ион Брэтиану считал, что Бессарабия лучше обеспечена франко-британским могуществом, чем признанием со стороны непризнанной великими державами Советской России» [23, с. 42]. Соглашение с Москвой, считает г-н Опря, означало бы, что «великие западные державы увидели бы в подобном требовании знак неверия Румынии в политическую и юридическую ценность послевоенных договоров и в силу тех, кто гарантирует их соблюдение». Далее автор, опровергая самого себя, говорит о предложении румынского правительства в конце 1922 г. (в ответ на советское предложение о разоружении) заключить с Советами соглашение о том, чтобы «граница по Днестру не являлась более предметом обсуждения с Федеративной Россией». Это «вызвало привычное сопротивление русских» [22, с. 264].

Таким образом, возможно, и не желая этого, румынисты признают наивный характер румынской внешней политики того времени. Имеется в виду т. н. «франко-британское всемогущество». И если в 1917–1918 годах, в момент, когда Румыния только захватила Бессарабию, подобного рода иллюзии ещё могли быть как-то поняты, то в году 1921, когда антисоветская интервенция закончилась полным поражением и одно капиталистическое государство за другим начали процесс нормализации своих отношений с Советской Россией, подобные мысли доказывали лишь одно: в бессарабском вопросе румынская олигархия во главе с И. Брэтиану проводила нереалистичную политику, рано или поздно обречённую на крах.

Правда, г-жа Пэдурияк приходит к совершенно иному выводу, отмечая, что «рост силы Советского Союза predetermined более наглое его поведение по отношению к румынским властям» [23, с. 45]. И в качестве практического примера «наглого поведения» советских властей приводит телеграмму Г.В. Чичерина от 11 ноября 1922 г., о которой ещё пойдёт речь ниже и в которой он будто бы говорит о советско-румынской границе по Пруту [23, с. 46].

В современной румынской историографии также присутствует и тезис о «предательстве» Румынии Западом: «Подписавшие данный договор (от 28 октября 1920 г. – С.Н.) правительства, признавая одно за другим Советскую власть, опустили требование о признании СССР акта от 28 октября 1920 г., что лишь усилило состояние напряжённости между Румынией и советским государством» [25, с. 26]. Преувеличенные и совершенно необоснованные претензии: будто основной задачей западных правительств была защита румынских хищнических интересов, а не своих собственных!

Однако вернёмся в 1921 г. При анализе вышеизложенного, возникает ряд вопросов. Первый, хотя «отправленный в Бухарест меморандум Фалалити, в котором была записана беседа последнего с Караханом и который прочёл Босси», хранится в архиве румынского МИДа и в 1999 г. был опубликован [24, с. 140–142, 155–159], существуют не просто сомнения в его достоверности, но почти полная уверенность в том, что содержание беседы Фалалити с Караханом было сфальсифицировано. Скорее всего, это было сделано для «внутреннего потребления» и, возможно, для «ушей» западных дипломатов.

Второй – «почему переговоры Фалалити–Карахан» по вопросу «Бессарабия в обмен на золотой запас» не подтверждаются ни одним советским источником? Ведь абсолютно ясно, что Лев Карахан не мог по собственной инициативе «предложить неофициально встретиться» с Фалалити. Перед тем как делать румынской стороне подобное предложение, он должен был, даже и в случае «неофициальной встречи», получить согласие вышестоящих инстанций. Но даже если предположить невозможное и допустить, что советский дипломат по своей инициативе и без консультаций со своим правительством пошёл на «неофициальный контакт» с румынской стороной, то и тогда, после окончания встречи и беседы с Фалалити, он должен был сообщить о ней собственному руководству. Абсолютно никаких следов этого нигде не обнаружено.

Более того, 19 ноября 1921 г. Г.В. Чичерин отправил телеграмму российским миссиям в Ревеле, Риге и Гельсингфорсе с указанием опровергать сплетню о якобы имевшей место пресловутой беседе по вопросу о «румынском золоте»: «Это вымышленная сцена. Карахан не отзывал Фалалити, ничего ему не шептал, и никогда не говорил ему, что румынское золото и ценности больше не существуют. Это всё выдуманно. Надо опровергать в печати у вас и в тех странах, где вы имеете возможность это сделать, румынские выдумки по поводу этих переговоров» [2, с. 290].

Третий – если предложение «Бессарабия в обмен на золотой запас» было в действительности сделано и о нём были проинформированы англичане и французы, почему ни один западный дипломат никогда не подтвердил его достоверность? Ответ на все эти вопросы может быть лишь один – это фальшивка румынской дипломатии, ставшая вскоре очередным мифом румынской историографии с целью фабрикации аргументов в пользу тезиса «Бессарабия – румынская земля!»

Однако существует ещё один аргумент, подтверждающий наши выводы, – это тезис о «критическом положении, в котором находились советские войска, гонимые армией Врангеля», и о заинтересованности «Советов в невмешательстве Румынии в конфликт на стороне Врангеля в обмен на Бессарабию». Что-либо более абсурдное, чем это утверждение, сложно придумать. Данной «проблемы» осенью 1921 г. уже год как не существовало – «чёрный барон» был разгромлен и изгнан из России ещё в декабре 1920 года! Таким образом, «аргумент Врангеля» никак не мог фигурировать в повестке дня переговоров «Фалалити-Карахан» и был выдуман, как и вся «конструкция» ложного согласия Карахана осуществить «обмен Бессарабии на золотой запас».

На Генуэзской конференции глава НКВД РСФСР Г.В. Чичерин выступил с заявлением, что Россия не признаёт аннексии Бессарабии [2, с. 302, 303; 7, с. 301]. Однако в румынской исторической литературе можно встретить толкования, что в Генуе Чичерин будто бы «косвенно признал» Бессарабию в составе Румынии [22, с. 265]. В заявлении М. Литвинова 19 июля [8, с. 45] и в направленных осенью 1922 г. нотах румынскому правительству неизменно подчёркивалась принадлежность Бессарабии России. В ноте от 11 ноября 1922 г. отмечалось: «Румынское Правительство не может, конечно, рассчитывать, чтобы Российское Правительство склонилось перед актом насилия, развившимся в оккупации Бессарабии иностранной армией» [2, с. 303–305; 19, с. 243].

Выше мы уже отмечали, что Л. Пэдурак привела данный документ в качестве примера «наглого поведения» советских властей. И здесь же она продолжила: «Советские власти самопроизвольно передвигали границу к Пруту, превратив этим Советский Союз в первое ревизионистское государство, которое объявило в 1922 г. свои права на Бессарабию, хотя великие державы, учитывая волю населения, выраженную актом Объединения и на основе исторических аргументов, признали восточную границу Румынии по Днестру» [23, с. 46]. И на этот раз в одной фразе – множество неправды и подмены понятий.

Во-первых, не в 1922 г. впервые «советские власти передвигали границу к Пруту», а всегда считали линию реки Прут западной границей своей страны. И это было заявлено сразу после вторжения Румынии на территорию России и захвата Бессарабии в конце 1917 – начале 1918 г.

Во-вторых, тот факт, что к этому моменту «великие державы признали восточную границу Румынии по Днестру», ни к чему не обязывал Советское правительство. Скорее, данное «признание» стало проблемой для самих «великих держав», которые со временем пересмотрели свою точку зрения и признали советско-румынскую границу именно по линии реки Прут.

Но если следовать логике г-жи Пэдурак & К⁰, то и т. н. Второй Венский арбитраж, отнявший у Румынии в августе 1940 г. Северо-Западную Трансильванию, также следо-

вало бы считать «законным», ведь все без исключения «великие державы» признали его «законность». Более того, если т. н. Парижский протокол от 28 октября 1920 г. подписали всего четыре «великие державы», и по причине его нератификации Японией, он так и не вступил в силу, то в случае с Венским арбитражем таких проблем не было.

В-третьих, не следует забывать, насколько была соблюдена в 1918 году «воля населения»: менее 3 % жителей Бессарабии, поддержавших «Объединение», не могут считаться «законным выражением воли народа».

Таким образом, факты убедительно доказывают, что ни о каком признании Советским правительством аннексии Бессарабии не может быть и речи. А все попытки современной румынской историографии доказать обратное, являются лишь эпигонскими спекуляциями с целью подвести «историческую базу» под тезис «Бессарабия – румынская земля!».

Литература

1. Антонов-Овсеев В.А. Записки о гражданской войне. – М.-Л., 1933. – Т. 4.
2. Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. – М., 1996.
3. Внешняя политика СССР. 1917–1944 гг. // Сборник документов. – М., 1945. – Т. 2.
4. Документы внешней политики СССР (далее: ДВП СССР). – М., 1959. – Т. 2
5. ДВП СССР. Т. 3. – М., 1959.
6. ДВП СССР. Т. 4. – М., 1960.
7. ДВП СССР. Т. 5. – М., 1961.
8. ДВП СССР. Т. 6. – М., 1962.
9. Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. – Кишинев, 1974.
10. Язькова А.А. Малая Антанга в европейской политике. – М., 1974.
11. Beaucourt Ch. L'Union Sovietique et la Roumanie // Les Frontieres europeennes de l'URSS. 1917–1941. – Paris, 1957.
12. Bossy R. Amintiri din viața diplomatică (1918–1940). Vol. 1. – Buc., 1993. – 340 p.
13. Burian A. Geopolitica lumii contemporane. – Chișinău: Tipografia Centrală, 2003.
14. Dobrinescu V. Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918–1940. – Iași, 1991.
15. Fisher L. Men and Politics. Europe the two World Wars. – New York, 1969.
16. Goșu A. Recunoașterea internațională a unirii Basarabiei cu România. Ioan Pelivan la Conferința de pace de la Paris (1919–1920) // Revista istorică. Academia Română. – 1993. – № 9–10.
17. King Ch. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. – Chișinău, 2002.
18. Meurs W.P. von. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. – Chișinău, 1996.
19. Moisuc V. Premisele izolării politice a României. 1919–1940. – Buc., 1991.
20. Nanu F.C. Politica externă a României. 1918–1933. – Iași, 1993.
21. Oprea I.M. Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924) // Revista istorică. Academia Română. – 1992. – № 1–2.
22. Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900–1924. Vol. 1. – Buc., 1998.
23. Pădureac L. Relațiile româno-sovietice (1917–1934). – Chișinău, 2003.
24. Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. – Buc., 1999.
25. Stan C.I. Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919–1920) // Revista istorică. Academia Română. – 2001. – № 1–2.

Поступила в редакцию 5 марта 2013 г.